К 50-летию Корякского автономного округа

ТЫМЛАТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ПЯТЬДЕСЯТ лет назад Тымлат был совсем другим. Каким?

В ту пору здесь насчитывалось всего две землянки корякских семей: Чечулина Ивана Федоровича вместе со старшим сыном — охотником Гаврилом, имевшим свою семью, и Чечулина Захара Егоровича с дедом Матвеем. Были еще и четыре домика корейских семей.

А в своем подавляющем большинстве тымлатцы кочевали семьями по тундре с табунами личных оленей. Тогда и в помине не было ни слова «бригадир», ни такой должности. Но в стойбище всегда много дел: кто-то охотится на лесного зверя, кто-то на морского, кто-то заготавливает рыбу, обрабатывает шкуры и т. д. И поэтому часто оленеводы собирались на совет, сообща решали насущные вопросы перед каждым этапом работы. Таких этапов в оленеводстве, как известно, три: отел, летовка и зимовка. Так, исподволь, приучались тымлатцы работать в коллективе, прислушиваться к мнению товарищей.

Как жили? В дымных круглых юртах, покрытых сверху оленьими шкурами. Печек, разумеется, не было. Костер разжигали прямо в центре жилища, напротив дымоходного отверстия, которое одновременно выполняло функции своеобразного окна: через него проникал в юрту дневной свет. Внутренним освещением в меховых домах служил жирник (аяк), заправленный жиром. Вместо фитиля — болотный мох, высушенный еще летом. Ясно, что одежда и обувь — из меха. Питались преимущественно олениной, медвежатиной, мясом различных морских зверей, юколой. Неудивительно, что такие условия жизни способствовали распространению среди оленеводов тяжелых заболеваний, приводивших к частым смертельным исходам. Особенно среди детей и стариков. Медицинское обслуживание началось позже, как началась позже, в начале тридцатых годов, беспощадная война с неграмотностью.

Впервые в Тымлате открывалась начальная школа. И наша семья первой решила осесть. Для школы построили довольно большую землянку. Освещалась она так же, как и юрты. Позже появились свечи, потом керосиновая лампа. Зато чем могла похвастаться наша школа — это печкой, сконструированной из железной бочки и камней. К началу учебного года привезли первых учеников — детей оленеводов и охотников.

Хорошо помню нашу первую учительницу. Звали ее Александра Андреевна Рябоконь. Добрая и ласковая была женщина, заботилась о нас, как мать. Одна загвоздка: плохо знали мы русский язык. Поэтому в школе работал собственный переводчик. Тот самый Максим Иванович, сын упоминавшегося выше Ивана Федоровича.

Новая жизнь набирала силу. Набирал силу и колхоз «Турвинэ» («Новый путь»). Первым председателем стал Герасим Филимонович Чечулин. Под его руководством в колхозе началось бурное по тем временам строительство: землянки росли, как грибы, одна за одной. В них жили не только оленеводы, но и приезжие русские семьи Пироговых, Горшковых, Гужевых и др.

Существенно облегчила положение колхозников доставка продуктов из Кичигинского кооператива на трехсильном моторном вельботе, купленном в соседнем колхозе «Ударник». Моторка помогала и рыболовам в их нелегком труде. Добыча рыбы медленно, но верно увеличивалась, улучшалась ее обработка. И это тоже было впервые.

К 1940 году в колхозе преобладало общественное оленепоголовье. Уже имели авторитет бригадир и учетчик, к их словам прислушивались, с ними советовались. Принцип «каждый — сам по себе» не пользовался былым почетом и неприкосновенностью. В самом селе началась разработка земли под колхозные огороды. Местные жители приобщались к новому делу. Первую бригаду тымлатских овощеводов возглавила Аграфена Ивановна Пирогова.

Другим новым и удивительным делом было для нас коровье молоко. Коров к нам пригнали из Паланы. Раз появились коровы—надо учиться косить и убирать сено, ухаживать за неизвестными ранее животными. Учились. Учились по-новому думать, трудиться, по-новому жить.

Как снежный смерч, налетела на нашу мирную жизнь война. Унесла она жизни многих земляков, в том числе и моего школьного друга, корякского писателя Ивана Баранникова, и школьного переводчика Максима Чечулина.

«Все для фронта, все для победы!» — под таким лозунгом трудился весь советский тыл. Не были исключением и наши колхозники. Они помогали фронту огромным количеством рыбы, пушнины и меховой обуви, подписывались на государственный заем в размере месячного заработка, добровольно вносили деньги в фонд обороны. Организаторами этих добрых начинаний были коммунисты и комсомольцы.

Не прекращалась во время войны и застройка Тымлата. Помню, однажды возвращался ночью с работы. Так поверите ли — заблудился! Столько настроили за мое отсутствие новых землянок.

В послевоенные годы землянки так же быстро исчезали, как когда-то появлялись на свет. Их заменяли стандартные добротные домики: теплые, уютные, освещенные лампочкой Ильича. Разве можно их сравнить с тесными, дымными юртами! Конечно, строили не только жилые дома. Построили птицеферму, восьмилетнюю школу и интернат, клуб и библиотеку, сельскую участковую больницу, магазин, электростанцию, скотоферму... Всего и не перечислишь!

Кто не был в Тымлате лет восемь-десять, сейчас его и не узнает. Современный Тымлат— это село-новостройка, село, где и трудятся, и живут делами и заботами всего советского народа рыбаки и оленеводы. Современный Тымлат растет и меняется на глазах.

Впрочем, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так что приезжайте к нам в Тымлат. Гостям здесь всегда рады.

Н. ЧЕЧУЛИН,
член КПСС с 1945 года.